

УДК 340.1

DOI 10.25688/2076-9113.2019.34.2.05

**А.А. Романов,
Т.И. Ноздрачева**

«Ики Цааджин Бичиг» Джунгарского ханства в политико-правовой жизни ойратского народа

Настоящая статья посвящена исследованию правовой и общественно-политической жизни ойратского народа сквозь призму законодательства Джунгарского ханства. В статье рассматривается эволюция истории государства и права ойратов в критический период развития государственности. Сделан вывод о значении «Ики Цааджин Бичиг» не только как свода законов, отражающего этноправовые отношения в общественном обороте ойратского народа, но и как источника, показывающего становление и развитие правовых обычаев, правовой культуры, правового менталитета, этноправовых основ ойратской этнической общности.

Ключевые слова: этноправовые нормы; ойраты; Джунгарское ханство; правовая этнология.

Изучение истории государства и права любого народа требует комплексного исследования имеющихся данных и взвешенного подхода к тем или иным источникам. Между тем у разных авторов существуют тенденции различного, зачастую диаметрально противоположного, толкования одних и тех же исторических фактов. В зависимости от субъективного мировоззрения, профессионального опыта ученых-исследователей, а также исходя из того, представителем какой теоретической школы является конкретный автор, априори допускается некий набор исходных, первоначальных «правильных» данных, которые по такой же логике отвергают любую альтернативу. Строится некий исторический конструкт изрядно отдаленного прошлого, требующий слепую веру. Мистическим, иррациональным восприятием действительности и прошлого в неразрывной взаимосвязи политизированной этничности и комплементарной политики синтезируется мифическая история.

Если в советский период была идеологизированная, относительно политкорректная общая идеологическая установка, то постсоветская историческая наука стала демонстрировать изящность методологической мысли и субъективность восприятия исторических событий весьма отдаленно от принципа объективности и научности при исследовании и реконструкции исторических событий и явлений, зачастую при полном игнорировании научных достижений прошлого и издавна общеизвестных документальных актов. Официальный

государственный дискурс диаметрально изменил историографическую парадигму по преодолению негативного наследия прошлого в исторической науке. Политический и экономический кризис постсоветской России привел к ослаблению уровня правопорядка, и в это время как панацея от многих проблем возросла роль этничности, точнее, этнизированной политики и политизированной этничности. В таких условиях в общественном обороте заметно расширились функции этноправовых обычаев, что вызвало тенденцию ухода к традиционным установкам в общественных отношениях.

История государства и права ойратского народа вызывает несомненный интерес в понимании развития организационного начала ойратской этнической общности.

Анализ исторических фактов, правовых источников диалектически взаимосвязан с выбором собственных методологических подходов автора, инструментальных способов и средств, адекватно отражающих сущность и содержание исследуемой проблемы. Разумеется, исследование ведется не «на чистом поле», а с использованием имеющегося богатого междисциплинарного исследовательского материала с позиции позитивного ревизионизма и взаимодополняемости. В таком ракурсе исследовательская задача заключается в привлечении к работе широкого круга первоисточников, относящихся к истории государственности ойратов, правовых обычаев, с учетом того, что далеко не все этапы этногенеза ойратов обеспечены необходимыми источниками, а многие известные источники не всегда доступны для русскоязычного исследователя.

Изучение истории ойратов находилось в центре внимания таких ученых, как И.Ч. Аксенов, С.М. Белокурова, Н.В. Екеев, И.Я. Златкин, В.М. Кимеев, Е.А. Команджаев, Д.Г. Кукеев, В.И. Терентьев и др. К отдельным историческим и правовым вопросам ойратской этнической общности обращались В.Н. Бадмаев, В.Ш. Бембеев, И.В. Ерофеева, Н.С. Яхонтова.

На основе общенаучных принципов, привлечения широкого круга законодательных и делопроизводственных источников каждый автор излагает собственную формулировку проблемы и классификацию фактов. В научный оборот вводятся новые источники, расширяется предмет исторического анализа с использованием качественно нового методологического уровня. Это актуально, так как до сих пор остается множество спорных вопросов. Например, в изданной в 1993 г. в Алма-Ате работе «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» [9] авторы в приведенной карте-схеме «Казахстан в XVIII веке» включили в состав древних казахских владений огромные территории Нижнего Поволжья, Сибири, Джунгарии [13, с. 87], что, несомненно, требует весомой, научно обоснованной аргументации. О достоверных иноземных летописях для бесспорного определения древней территории расселения казахских племен не упоминается.

Малоизученными до сих пор остаются вопросы этноправового содержания законодательства Джунгарского ханства и их роль в правовой жизни ойратского народа.

Общепринято, что ойраты — предки современных калмыков России, Китая, Монголии, Киргизии и относятся они к монгольским народам. В разные исторические периоды ойраты имели совершенно разное правовое положение. В начале XIII в. после вхождения в состав империи Чингисхана они выполняли функции императорской гвардии. После своего распада империя разделилась на три части: южную, северную и западную. Четыре ойратских племен: джунгары (зюнгары), торгуты, дербеты, хошеуты в 1399 г. создали на западе Монголии объединение «Дербен Ойрад Нутуг» («Союз четырех ойрат»). В 1634 г. после смерти вождя ойратов Хара-Хулы его сын Хото-Хоцин-Батур стал руководить чуулганом (сеймом или съездом). Поскольку ойраты, как и все монголы, являются приверженцами тибетского буддизма (ламаизма), Далай-лама V (духовный лидер буддистов Тибета и монгольских народов) пожаловал ему титул Эрдени-Батур-хунтайджи, тем самым он стал единовластным правителем всей ойратской этнической общности за исключением племен, откочевавших на Волгу и Кукунор [2, 10] и образовавших в 1633 г. Калмыцкое ханство (торгутов) на Волге и Хошеутовское (Кукунорское) ханство — в Тибете в 1642 г.

В научной литературе основанием Джунгарского ханства принято считать 1635 г. Уже в 1640 г. на общеойратском съезде в предгорьях Тарбагатайского хребта (ныне — территории Казахстана на границе с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР) был принят свод законов «Ики Цааджин Бичиг» («Великое Степное Уложение»), который, по существу, стал институциональной основой формирования единого правового пространства ойратских владений от Кавказа до Индии и Китая. Подлинный текст документа был составлен на монгольском языке монгольским же алфавитом и до нашего времени не дошел.

В исследовании «Ики Цааджин Бичик» как памятника обычного права нам следует анализировать категорию «право». Само право рассматривается в общественной жизни как на уровне обыденного постижения, так и на научно-теоретическом уровне. В отличие от иных форм права обычное право более релевантно для обыденного восприятия.

Большинство авторов определяют обычное право как санкционированный государством некий комплекс общеобязательных обычаев [15, с. 40; 11, с. 73]. Другие же выделяют действие обычного права как в обществе с государственной формой организации, так и на стадии догосударственного развертывания социальной системы общества, но при необходимом государственном санкционировании [7, с. 309; 12, с. 7, 73; 6, с. 354].

Разногласия в юридическом сообществе, замеченные еще Е.Н. Трубецким, как на предмет сущности обычного права, так и на предмет оснований его общеобязательности бытуют и в наши дни. Это обусловлено, прежде всего, отсутствием формализованности используемой терминологии при рассмотрении обычного права.

В современной правовой науке понятия «обычное право» и «обычай», по существу, имеют схожее толкование у представителей различных теоретических

школ. В соответствии с ч. 1 ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо сфере общественного оборота правило поведения, не санкционированное законодательством, независимо от того, предусмотрено ли оно в каком-либо правовом акте. Г.В. Мальцев рассматривает обычай как социальный институт, сопутствующий генезису социальной общности от ее архаичного состояния до современного и выполняющий регулятивные функции в целях упорядочения групповых и индивидуальных отношений между людьми [12, с. 73]. Большой юридический словарь обычное право определяет как совокупность обычаев, сложившихся в обществе в результате их неоднократного традиционного применения и санкционированных государством [5].

Научно-теоретический обзор и обобщенное изучение этноправоведами обычного права в его обыденном понимании, распространенном среди определенных этнических общностей, обеспечивают значительный прогресс в теоретической разработке проблем обычного права — идет изучение права не столько как традиционного, обычного (по существу, в этническом содержании) в противовес государственному праву, а как проблемы сосуществования обусловленных этничностью правовых систем в целостном и интегрированном гражданском сообществе [18, с. 8].

Одной из важнейших проблем современной юриспруденции является выявление сущностного содержания права как составной части этносоциальной реальности определенной этнической общности. В этой связи чрезвычайно важно установление взаимосвязи права и этничности, механизмов их взаимовлияния. Задача сводится к уточнению понятия «права» и его этнического содержания, и, наоборот, понятия «этничность» и места в ней права [17].

В рамках данной статьи этничность — это совокупность этнических черт, характеристик, признаков, верований, обычаев, которая является основной и единственной этноопределяющей категорией для всех этнических общностей. При этом важным является то, что этничность включает в свою систему некий нормативный набор регламентаций общественных отношений в данном обществе. Очевидно, что как социально нормативное явление этничность имеет регулятивную функцию и включает в себя элементы права, фиксирующие сущностные аспекты объективной действительности определенной этнической общности и обеспечивающие ее поступательное развитие. Этничность включает в себя групповой опыт адаптации этнофора к конкретному этноареалу в течение продолжительного времени обитания.

В исследовании понятия «право» обратимся к правовому феномену «обычное право». Обычное право нормообразуется из обычаев и традиций этнической общности. Нормы обычного права выступают как важнейшие функциональные элементы в культурной структуре этнической общности.

При детальном рассмотрении содержания норм «Ики Цааджин Бичиг» обнаруживается, что его характерной особенностью является архаизм с наполнением его новым, актуальным содержанием. Обычное право транслировано

этничностью и выступает как феномен этничности, который обеспечивает трансляцию нормативной информации регулятивного общесоциального опыта, зафиксированного и закрепленного в обычаях ойратской этнической общности. Н.Я. Бичурин писал: «Сие уложение есть зеркало, на поверхности коего со всей ясностью изображаются нравы, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения монгольского народа» [3, с. 39].

Совершенно очевидно, что при анализе обычного права мы не можем абстрагироваться от целого ряда народного творчества — мифов, этнического фольклора и т. д., то есть от архетипических конструкций, которые на основе воображаемой народной практики в течение времени впитывали в себя этнические обычаи, формируя тем самым правовую культуру этнической общности. «Ики Цааджин Бичиг» нельзя осмыслить вне влияния разнородных этнических мифологий. В реконструкции древней истории государства и права любой этнической общности, существенная роль уделяется, кроме научно обоснованных первоисточников, этническим мифам. Историческое мифотворчество оказывается более востребованным и подменяет поиск истины политически ангажированными вымыслами при полном отсутствии пространственно-географической локализации наиболее крупных и исторически значимых событий. Если традиционные мифы как логическое моделирование связанного и организованного сюжетного построения нацелены на разрешение некоего исторического противоречия, то современные обновленные исторические мифологемы, как полагает Р. Барт, имеют цель «натурализации» противоречий посредством оправдания эпизодичных исторических событий. Поэтому историческая мифологема нового времени дискретна не более чем набор стереотипов (по терминологии Р. Барта), целостных коммуникативных событий (по терминологии Маршалл Маклюэн), но еще более коварная и мифическая; стоит предопределить требуемый дискурс, и исторический миф реконструирует историю в соответствии с заданной установкой.

В 1648 г. джунгарским ученым-просветителем, буддийским священнослужителем Зая-Пандитой на основе старомонгольского был разработан ойратский алфавит, создана новая письменность «тодо бичиг» («ясное письмо»), и в последующем «Ики Цааджин Бичиг» был переложен на ойратский алфавит, единственный экземпляр которого сохранился лишь в Калмыцком ханстве и с последующими изменениями применялся в Калмыцкой степи вплоть до 1917 г.

Появление нового литературного языка стало выдающимся народным этнокультурным наследием. Однако создание новой письменности имело свое политико-правовое содержание и было обусловлено тем обстоятельством, что, во-первых, в процессе социальной эволюции язык является самым доступным этносоциальным маркером, объединяющим данный народ и отделяющим его от других. Здесь уместно отметить мнение Г.В. Лейбница, который полагал, что народы и языки, подобно живым организмам, развиваются в определенной логике [14, с. 17]. Во-вторых, в условиях централизованного государства

язык является одним из ведущих признаков и базовым элементом государственности. На тодо бичиг (в литературе иногда встречается как ойратская, или старокалмыцкая, письменность) переписывались с Российской империей и Китаем народы Алтая, Хакасии, Тибета, Средней Азии и др., а в Калмыкии она использовалась вплоть до начала 20-х гг. XX в.; в-третьих, письменный язык максимально приблизился к устной речи.

В «Ики Цааджин Бичиг» ясно проявились черты монархической власти, укрепилась феодально-монархическая структура государственного управления. В государственно-управленческом аппарате Джунгарского ханства правителем и законным собственником всей земли был хан. В правительство входили чиновники, которые имели различные ранги, в соответствии с которыми и содействовали в управлении делами государства. Н.Я. Бичурин пишет, что у ойратов было два сословия: духовенство и военные, которые, в свою очередь, делились на дворян и податных [3, с. 39]. Датский исследователь Хеннинг Хаслунд-Кристенсен (Henning Haslund-Christensen, 1896–1948) в своей знаменитой работе «Люди и боги в Монголии. Заяган», опубликованной после полевых исследований, проведенных в составе экспедиции шведского путешественника Свена Гедина (1928–1930 гг., Центральная Азия), добавляет в это сословие и дарханов, т. е. лиц, освобожденных от повинностей [19]. Как заметил С.К. Богоявленский, в «Ики Цааджин Бичиг» упоминается еще и об улусных чиновниках, знаменосцах, трубачах, телохранителях, придворных, рабах, великих и малых князьях [4]. Главными чиновниками из них были тушимелы, в современной аналогии — министры. Следующими по рангу являлись джаргучи, которые в иерархии ханства осуществляли функции верховного суда и контролировали исполнение законов. Сбором налогов и податей в самой Джунгарии занимались албачи-зайсаны, а в зависимых от ханства землях этим же, а также дипломатическими и иностранными делами ведали дэмоци. Такими территориями управляли кутчинеры. При этом не разрушалась существующая местная административная система, устои, налаженное производство, что давало поводы коренному населению выказывать определенную покорность и лояльность. Существовали отдельные чиновники, заведовавшие производствами, ремеслами. Например, кузнецы и литейных дел мастера были под началом улотов, а бучинеры заведовали ружейниками и пушкарями. Алтачины контролировали добычу и хранение золота, джахчины — охрану границ и расследование преступлений. Таким образом, это была целостное, систематизированное государственное управление, имевшее правовую основу «Ики Цааджин Бичиг».

Джунгария являлась единственным крупнейшим государством Центральной Азии, которое могло противостоять империи Цин. Молодое государство, подчинившее своему влиянию племена, обитавшие на покоренных землях, крепло, расцветало, расширяло свои территории. Так, был завоеван Восточный Туркестан (1680 г.), в результате успешных войн была присоединена большая часть Семиречья, Ташкент и др. Позднее предпринимались попытки

присоединить Восточную Монголию путем военных действий против цинского Китая. В 1739 г. по итогам очередной ойратско-маньчжурской войны, закончившейся мирным договором ввиду истощения ресурсов у обеих сторон, в состав ханства были возвращены земли, располагавшиеся к востоку от монгольского Алтая. Ойраты, по признанию профессора А.М. Позднеева, господствовали в то время над всем пространством от берегов Каспия на западе (Калмыцкое ханство) до Алашани на востоке и от Урала на севере (Джунгария) до пределов Индии к югу (Хошеутовское (Кукунорское) ханство) [16]. Примечательно, что «Ики Цааджин Бичиг» включил нормы о ненападении внутри ойратских племен и о наказании подобой агрессии [10, с. 302].

Джунгарское ханство занимало выгодное торговое положение. Через Джунгарию проходили важные торговые пути, связывающие Север с Югом и Восток с Западом, в связи с чем упрочились торговые, а также дипломатические связи с соседними государствами, и в первую очередь с Русским царством. Однако в силу малочисленности своего приграничного с Джунгарией населения Россия не могла в полной мере обеспечить потребности ханства в сельскохозяйственной, ремесленной и другой продукции. Цинский же Китай проводил политику ограничения торговли и таких поставок, что и стимулировало собственное производство и деятельность мастерских в Джунгарии. В результате богатство и престиж государства только росли. Началось активное развитие земледелия и ремесел. Постоянные связи были и с двумя другими ойрат-монгольскими ханствами: Калмыцким (на Волге) и Хошеутовским (Кукунорским) — в Тибете.

«Ики Цааджин Бичиг» стимулировал изменение мировоззрения и социально-экономических прерогатив. Поскольку Джунгарское ханство зависело в значительной степени от заграничных поставок орудий, амуниций и снаряжения, было налажено их местное производство, в частности изготовление фитильного ружья и амуниции, пушек. Иноземные военные специалисты сыграли важную роль в обучении войск передовой европейской тактике ведения дистанционного боя, такой как избегание ближнего боя, изматывание противника многочисленными маневрами, массированная атака боевых позиций противника из дальнобойных орудий.

Однако со временем, в поздний период своего существования, эта идиллия стала разрушаться из-за распрей, междоусобиц, раскола внутри властной элиты. В последующем смута охватила Джунгарское ханство, что привело к его падению.

Этим не могли не воспользоваться правители цинского Китая и соседних народов. Поддерживая инсургентов, обещая им помощь в завоевании власти, маньчжуры с союзными племенами, совершая набеги и участвуя в междоусобной борьбе ойратских князей, усиливали развал государства, а в последующем учинили полное его разорение. За два десятилетия некогда цветущая, мощнейшая империя ойратов превратилась в поле непрерывных войн, за которыми последовало разрушение экономики и сопутствующее бедствие

всего народа. К тому же в 1723 г. перестало существовать Хошеутовское ханство в Тибете, а Калмыцкое ханство (уже находившееся в составе Российской империи) было отрезано от Джунгарии границами и территориями других образований.

Вторгшись в 1755 г. в пределы Джунгарского ханства, войско цинского Китая, составленное из отрядов маньчжуров, китайцев, монголов и других покоренных народов (численностью, по различным данным, от пятисот тысяч до миллиона), в течение четырех лет последовательно расправилось с разрозненными силами ойратов. В некоторых источниках упоминается, что было уничтожено практически все население (около 90 % из 1 миллиона человек, проживавших на землях ханства, в том числе шестьсот тысяч ойратов). По словам профессора В.И. Колесника, гибель Джунгарского ханства в настоящее время не оценена должным образом. Кочевая цивилизация началась с империи Хунну и закончилась Джунгарией. Л.Н. Гумилев написал: «Именно ойраты приняли на себя функцию, которую ранее отчасти несли хунну, тюрки, уйгуры, став барьером против агрессии Китая на север, и осуществляли эту роль до 1758 г., пока маньчжуро-китайские войска не истребили этот мужественный этнос. На Земле было только два народа, которые настолько ценили свою свободу, что предпочли смерть неволе — это индейцы Америки и ойраты Джунгарии» [8, с. 74].

Таким образом, проведенное исследование позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, гибель некогда могущественного Джунгарского ханства в середине XVIII в. стала результатом длительной междоусобной борьбы ойратских феодалов, что было предопределено не столько молодостью джунгарской государственности, сколько отсутствием в «Ики Цааджин Бичиг» четкого правового механизма передачи власти. В последующем весь степной мир Центральной Азии и Южной Сибири оказался фактически поделенным между двумя крупнейшими региональными империями — Россией и Китаем.

Во-вторых, нормы «Ики Цааджин Бичиг» прошли путь развития от архаичных форм права до обычного права осмыслением собственного опыта преемственности этноправовых норм ойратов на пути формирования нормативно-правовой основы одной из самых мощных империй Нового времени. Это своеобразный правовой образ окружающей действительности, определяющий места ойратского государства и народа в структуре мира.

В-третьих, источником «Ики Цааджин Бичиг» в первую очередь выступили обычаи ойратов. Становление обычаев происходило на основе перманентного применения правил должного повиновения и поведения как результата фактических отношений. Со временем правила приобрели определенное правовое содержание и стали правовым институтом, регламентирующим общественные отношения, как система социально-нормативного регулирования в процессе становления включает в себя бытующие в этнической группе формализованные обычаи, которые возводили в ранг общеобязательных

юридических норм санкционированную государством определенную практику. Источником «Ики Цааджин Бичиг» выступило также каноническое право. По мнению И.Ч. Аксенова, издание «Ики Цааджин Бичиг» было обусловлено, кроме прочего, еще и необходимостью адаптации общественной жизни ойратского народа к каноническому праву буддизма [1].

«Ики Цааджин Бичиг» имеет большое значение не только как юридический документ, отражающий этноправовые отношения в общественном обороте этнической общности, но и как богатый исторический материал, наглядно показывающий становление и развитие правовой культуры, правового менталитета, этноправовых основ ойратской этнической общности.

Литература

1. *Аксенов И.Ч.* Становление и развитие калмыцкой государственности и права в XVII–XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 165 с.
2. *Басхаев А.Н., Дякиева Р.Б.* История Калмыкии и калмыцкого народа с древнейших времен до начала XIX века. Элиста: Изд-во Министерства образования, культуры и науки Республики Калмыкия, 2010. 157 с.
3. *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991. 127 с.
4. *Богоявленский С.К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 48–101.
5. Большой юридический словарь. URL: <https://jurisprudence.academic.ru/> (дата обращения: 24.12.2018).
6. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2014. 607 с.
7. *Грязнов Д.Г.* Природа обязательности правового обычая // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. С. 307–316.
8. *Гумилев Л.Н.* Из истории Евразии. Очерк. М.: Искусство, 1993. 79 с.
9. История Казахстана с древнейших времен до наших дней / гл. ред. М.К. Козыбаев, ред. кол. А.К. Акишев, М.Х. Асылбеков, К.М. Байпаков, Ж.К. Касымбаев, Т.А. Мансуров. Алматы: Дәуір, 1993. 416 с.
10. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН; ред. совет: К.Н. Илюмжинов, А.П. Деревянко (сопредседатели) и др.; редкол.: К.Н. Максимов, Н.Г. Очирова (отв. редакторы) и др. Элиста: Герел, 2009. 846 с.
11. *Кашанина Т.В.* Основы российского права. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2000. 784 с.
12. *Мальцев Г.В.* Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д.: СКАГС, 1999. С. 7–94.
13. *Моисеев В.А.* От какого наследия не отказывается современная казахская историография // Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность: сб. науч. и публицист. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 86–94.
14. *Нарский И.С.* Готфрид Лейбниц. М.: Мысль, 1972. 239 с.
15. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2010. 547 с.

16. *Позднеев А.М.* Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXLIV. Отд. 2. 1886. С. 140–170.
17. *Романов А.А.* Этничность в правовом измерении // Юридическая мысль. 2016. № 5 (97). С. 64–73.
18. *Тушков В.А.* Антропология права — начало и эволюция дисциплины. Юридическая антропология // Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 7–14.
19. *Haslund-Chriestensen H.* Men and Gods in Mongolia. Zayagan. London, 1935. N. Y. (Dutton), 1935. 358 p.

Literatura

1. *Aksenov I.Ch.* Stanovlenie i razvitie kalmy'czkoj gosudarstvennosti i prava v XVII–XIX vv.: dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2004. 165 s.
2. *Basxaev A.N., Dyakieva R.B.* Istorija Kalmy'kii i kalmy'czkogo naroda s drevnejshix vremen do nachala XIX veka. E'lista: Izd-vo Ministerstva obrazovaniya, kul'tury i nauki Respubliki Kalmy'kiya, 2010. 157 s.
3. *Bichurin N.Ya.* Istoricheskoe obozrenie ojratoj ili kalmy'kov s XV stoletiya do nastoyashhego vremeni. 2-e izd. E'lista: Kalmy'czkoe knizhnoe izd-vo, 1991. 127 s.
4. *Bogoyavlenskij S.K.* Materialy' po istorii kalmy'kov v pervoj polovine XVII v. // Istoricheskie zapiski. M., 1939. T. 5. S. 48–101.
5. Bol'shoj juridicheskij slovar'. URL: <https://jurisprudence.academic.ru/> (data obrashheniya: 24.12.2018).
6. *Vengerov A.B.* Teoriya gosudarstva i prava. M.: Omega-L, 2014. 607 s.
7. *Gryaznov D.G.* Priroda obyazatel'nosti pravovogo oby'chaya // Oby'chnoe pravo v Rossii: problemy' teorii, istorii i praktiki. Rostov n/D.: Izd-vo SKAGS, 1999. S. 307–316.
8. *Gumilev L.N.* Iz istorii Evrazii. Oчерk. M.: Iskusstvo, 1993. 79 s.
9. Istorija Kazaxstana s drevnejshix vremen do nashix dnejj / gl. red. M.K. Kozy'baev, red. kol. A.K. Akishev, M.X. Asy'lbekov, K.M. Bajpakov, Zh.K. Kasy'mbaev, T.A. Mansurov. Almaty': Dәuir, 1993. 416 s.
10. Istorija Kalmy'kii s drevnejshix vremen do nashix dnejj: v 3 t. / Kalmy'czkij institut gumanitarny'x issledovanij RAN; red. sovet: K.N. Ilyumzhinov, A.P. Derevyanko (sopredsedateli) i dr.; redkol.: K.N. Maksimov, N.G. Ochirova (otv. redaktory') i dr. E'lista: Gerel, 2009. 846 s.
11. *Kashanina T.V.* Osnovy' rossijskogo prava. M.: Norma – Infra-M, 2000. 784 s.
12. *Mal'cev G.V.* Oчерk teorii oby'chaya i oby'chnogo prava // Oby'chnoe pravo v Rossii: problemy' teorii, istorii i praktiki. Rostov n/D.: SKAGS, 1999. S. 7–94.
13. *Moiseev V.A.* Ot kakogo naslediya ne otkazy'vaetsya sovremennaya kazaxskaya istoriografiya // Rossiya – Kazaxstan: sovremennyy'e mify' i istoricheskaya real'nost': sb. nauch. i public. statej. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001. S. 86–94.
14. *Narskij I.S.* Gotfrid Lejbnicz. M.: My'sl', 1972. 239 s.
15. *Nersesyancz V.S.* Obshhaya teoriya prava i gosudarstva. M.: Norma – Infra-M, 2010. 547 s.
16. *Pozdneev A.M.* Astraxanskie kalmy'ki i ix otnosheniya k Rossii do nachala ny'neshnego stoletiya // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. Ч. ССXLIV. Отд. 2. 1886. S. 140–170.

17. *Romanov A.A.* E'tnichnost' v pravovom izmerenii // *Yuridicheskaya my'sl'*. 2016. № 5 (97). S. 64–73.
18. *Tishkov V.A.* Antropologiya prava — nachalo i e'volyuciya discipliny'. *Yuridicheskaya antropologiya // Zakon i zhizn'*. M.: Strategiya, 2000. S. 7–14.
19. *Haslund-Chriestensen H.* Men and Gods in Mongolia. *Zayagan*. London, 1935. N. Y. (Dutton), 1935. 358 p.

*A.A. Romanov,
T.I. Nozdracheva*

**«Iki Zaadzhin Bichig» of the Dzungarian Khanate
in the Political and Legal Life of the Oirat People**

This article is devoted to the study of the legal and social and political life of the Oirat people in terms of the legislation of the Dzungarian Khanate. The article considers the evolution of the history of the state and the law of the Oirats in a critical period of statehood development. The conclusion was made about the meaning of «Iki Zaadzhin Bichig» not only as a set of laws reflecting ethnic relations in the public circulation of the Oirat people but also as a source showing the formation and development of legal customs, legal culture, legal mentality and ethnic and legal basis of the Oirat ethnic community.

Keywords: ethnic and legal norms; Oirats; Dzungarian Khanate; legal ethnology.